

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Очерк первый. Вопрос о происхождении и этнической идентификации казачества.....	10
1. Сущность вопроса и его традиционная научная трактовка.....	10
2. Псевдонаучные версии происхождения казачества: общий обзор	18
3. Псевдонаучные теории: аргументы и факты.....	28
4. О местах «выхода» и социальном статусе предков современных казаков	53
5. О казачьем самосознании и особенностях казачьей культуры	67
6. Феномен Мурада Аджи и культурологические подходы И. Г. Яковенко	83
7. Происхождение казачества и «русский вопрос».....	94
8. Псевдонаучные теории в научных трудах как примета нашего времени	114
9. Предтечи и предки казаков: критерии определения	154
Очерк второй. О социальной природе казачьих сообществ XVI–XVII вв. и их взаимоотношениях с Российским государством	191
1. Структура и социальный уклад казачьих сообществ: проблемы типологизации	191
2. К дискуссиям о стадийной принадлежности казачьих сообществ XVI–XVII вв.....	207
3. Казачьи общины, сельские и городские «миры»: общее и особенное	246
4. Казаки и разбойники: сходство и различия.....	264

5. Вольное казачество и Российское государство: единство и борьба противоположностей	277
Очерк третий. Казачество и военные факторы колонизации Сибири XVII в.	307
Часть I. Военная история Сибири XVII в. как объект специального изучения	307
1. О терминологии	307
2. Изучение военных факторов колонизации Сибири XVII в. до конца 1980-х гг.	309
3. «Ветер перемен» и его отражение в коллективных трудах ...	322
4. Комплексные исследования индивидуального характера.....	327
5. Отдельные группы служилого населения XVII в. в исследованиях современных сибиреведов	338
6. Об управлении сибирскими гарнизонами XVII в. и особенностях казачьего менталитета	346
7. Военно-технические и военно-тактические аспекты русской колонизации Сибири в трудах современных исследователей	352
Часть II. Дискуссионные вопросы	366
1. О характере некоторых «принципиальных» расхождений	366
2. О месте казачества Сибири в социальной структуре российского общества.....	373
3. Причины и характер русских военных побед	382
4. Менталитет казаков Сибири как поле научных дискуссий ...	394
5. Велись ли в Сибири XVII в. колониальные войны?	408
6. «Служилые иноземцы» и «сибирский субэтнос»	416
7. «Присоединение» или «завоевание» Сибири?	421
8. О военных реформах в Сибири XVII в.	424
О возрождении казачества (вместо заключения)	441
Именной указатель	473

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российское казачество вот уже три столетия является объектом специального изучения. Внимание исследователей к этому этносоциальному и социокультурному феномену объясняется прежде всего выдающейся ролью казаков в российской истории — и в войнах, которые вело государство Российское, и в смутах, которые потрясли основы его, и в присоединении к нему и освоении огромного массива земель по мере продвижения России на восток.

«Вся история России сделана казаками», — такую запись оставил Л. Н. Толстой в 1870 г. в одной из своих записных книжек¹. Буквальное восприятие этих слов, было бы, конечно, большим преувеличением, но нельзя не признать, что казаки превосходили все категории населения России по своей социально-политической активности и что исторические судьбы российского казачества и Российского государства оказались теснейшим образом связанными. Но даже если бы роль казачества в нашей истории была неизмеримо меньшей, исследовательское внимание ему все равно было бы гарантировано: особенности социального устройства, материальной и духовной культуры казачества сами по себе достойны тщательного исследования историками, этнологами, лингвистами, и потому тоже активно ими изучаются.

Довольно специфичны трудности и помехи на пути этого изучения: они не ограничиваются проблемами источниковедческого характера, а определяются также сильной мифологизацией и политизацией практически всего, что связано с историей казачества, но особенно — ее ранних периодов, которые, с одной стороны, хуже остальных обеспечены источниками, а с другой, — крайне важны для понимания сущности и социальной природы

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 123.

казачества, причин и характера его эволюции в дальнейшем. А самым популярным мифом, с которым приходится сталкиваться, приступая к изучению истории казачества, является утверждение о... слабой изученности истории казачества. Именно этот миф обычно служит оправданием у редакций даже весьма солидных издательств при публикации ими очередного «казачьего» мифа: раз вопрос не изучен, надо-де дать возможность высказаться всем, кто пытается его изучить...

В истории казачества, разумеется, и по сей день остается немало «темных мест» и «белых пятен» (как, впрочем, и в истории других категорий российского населения). Но в целом степень ее изученности следует признать вполне удовлетворительной, в том числе применительно к менее других обеспеченному источниками «раннему» (до XVIII в.) периоду. История казачества этого времени получила достаточно полное и адекватное отражение уже в трудах многих дореволюционных исследователей — Г. Ф. Миллера, В. Д. Сухорукова, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, Д. И. Эварницкого, В. Г. Дружинина, С. Ф. Платонова, В. А. Потто, А. Б. Карпова, М. А. Караулова, Ф. Э. Щербины, М. К. Любавского, С. И. Тхоржевского... В 1930–1970-е гг. ранняя история казачества разрабатывалась А. А. Новосельским, Б. В. Луниным, Е. Н. Кушевой, В. А. Голобуцким, И. Г. Рознером, В. П. Загоровским, А. П. Пронштейном, А. Г. Маньковым, Л. Б. Заседателевой, В. Н. Дариенко, С. В. Бахрушиным, В. А. Александровым, Г. А. Леонтьевой, а из зарубежных исследователей в этой связи надо отметить видного немецкого историка Гюнтера Штёкля, капитальный труд которого о возникновении казачества был благосклонно встречен и в нашей стране...

Период, начавшийся в середине 1980-х гг. и ознаменовавшийся неуклонным возрастанием интереса к истории казачества, был отмечен выходом работ Р. Г. Скрынникова, А. А. Шенникова, Н. И. Павленко, Н. А. Мининкова, А. Л. Станиславского, В. Д. Назарова, И. А. Аверина, В. Ф. Мамонова, О. В. Матвеева, А. И. Агафонова, С. И. Рябова, С. А. Козлова, А. И. Изюмова, В. Н. Королева, В. В. Трепавлова, Д. В. Сеня, И. О. Тюменцева, Э. Л. Дубмана, М. А. Рыбловой, А. В. Сопова, М. Ю. Зенченко, А. М. Дубовикова, Е. В. Кусаиновой, Л. Л. Каранлыковой, О. Ю. Куца, В. И. Маркова, Д. Я. Резуна, А. С. Зуева, Ю. Г. Недбая, Я. Г. Солодкина, В. Д. Пузанова, И. П. Каменецкого,

И. Р. Соколовского, Е. А. Багрина, П. Н. Бараховича, А. А. Бродникова и многих других исследователей, освещавших в различных аспектах предысторию и раннюю историю казачества и поднявших ее разработку на качественно новый уровень. Ими был введен в научный оборот большой комплекс ранее неизвестных материалов, переосмыслены важные моменты истории казачества XV–XVII вв. и выявлен ряд дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего углубленного изучения «казачьей» тематики.

Но тогда же появились обстоятельства, серьезно осложняющие это изучение. В связи с начавшимся с конца 1980 — начала 1990-х гг. возрождением казачества идеологи этого движения стали в большом количестве переиздавать безнадежно устаревшие и грубо политизированные дореволюционные и эмигрантские работы «о казаках», а также сочинения по истории казачества, выходящие из-под пера современных журналистов, публицистов, писателей, философов, социологов и других лиц, не имеющих отношения к исторической науке, но тем не менее упорно стремящихся донести до массового читателя свои, далекие от научных, представления о казачьей истории. По своим тиражам, полиграфическому исполнению и масштабам распространения «в народе» они решительно превосходят, как правило, скромно изданные труды профессионалов.

В результате за последние 30 лет резко возросло число мифов и откровенных фальсификаций, сильно искажающих историю казачества. Содержащие их книги и статьи, конечно, трудно подвести к определению «историография», но к своеобразным «памятникам исторической мысли» они, безусловно, относятся, и, ввиду обилия и популярности сочинений подобного рода, на них необходимо как-то реагировать профессиональным историкам. Правда, большинство из них склонно к полному игнорированию мнения дилетантов, но такую позицию нельзя назвать продуктивной, подтверждением чему может служить тот прискорбный факт, что мифологизированная и политизированная история казачества стала оказывать косвенное, а порой и прямое воздействие на некоторых профессиональных историков, находит прямое отражение в преподавательской деятельности. И это, в общем-то, вполне закономерно, ибо подтверждает старую истину: нельзя одновременно жить в обществе и быть независимым от него...

В нашей работе, выполненной в виде историко-историографических очерков о казачестве XVI–XVII вв. с отдельными экскурсами в более ранние, и более поздние хронологические периоды, рассматриваются вопросы, относящиеся к сфере как историографии, так и исторической мысли, и касающиеся, главным образом, следующих проблем: происхождение казачества и его этническая идентификация; социальная природа казачьих сообществ XVI–XVII вв. и взаимоотношения вольного казачества с Московским государством; место казачества и военных факторов колонизации в освоении восточных окраин России в XVI–XVII вв. Надо отметить, что последняя проблема у современных исследователей истории казачества считается «особенно актуальной» и требующей «адекватного осмысления»...¹

По всем этим сюжетам имеется обширная литература. Одно лишь перечисление посвященных им трудов потребовало бы листажа, сопоставимого с объемом нашего исследования. Поэтому главной своей задачей автор считает анализ не столько работ по избранной тематике, сколько положенных в их основу концепций, с тем чтобы проследить *основные* направления историографии (и исторической мысли) по означенным выше проблемам. Автор, кроме того, убежден, что прежде чем приступить к дальнейшему выявлению и накоплению конкретно-исторического материала по ранней истории казачества, целесообразно систематизировать и осмыслить уже имеющиеся наработки по тем ее вопросам, которые в настоящее время представляются наиболее дискуссионными и актуальными.

Автор благодарит за ценные советы и замечания прежде всего своих уважаемых рецензентов — А. В. Малова и Г. А. Санина, а также сотрудников Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, принявших непосредственное участие в обсуждении рукописи монографии на завершающем этапе ее подготовки, — Д. В. Лисейцева, О. В. Новохатко, Н. М. Рогожина, А. В. Топычканова. Но она не была бы написана без помощи, оказанной в свое время автору коллегами из нашего старого «феодального» сектора Института истории СССР АН СССР и других научных подразделений. Практически все высказанные ими пожелания по доработке отдельных разделов

¹ *Сопов А. В.* Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 6.

будущей книги были автором так или иначе учтены, и он выражает глубокую признательность за них В. А. Артамонову, С. М. Каштанову, А. В. Ковальчуку, С. А. Козлову, В. Д. Назарову, В. Б. Перхавко, Е. Н. Швейковской. И особая благодарность за поддержку тем коллегам по нашему «феодалному цеху», которые ушли от нас в «мир иной» — Н. А. Горской, Л. В. Даниловой, Н. Ф. Демидовой, П. Н. Зырянову, А. И. Клибанову, А. П. Новосельцеву, А. А. Преображенскому, М. А. Рахматуллину, А. Л. Станиславскому. Их светлой памяти автор и посвящает эту книгу...

Никитин Николай Иванович

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

Вопрос о происхождении и этнической идентификации казачества

1. Сущность вопроса и его традиционная научная трактовка

Вопрос о происхождении казачества по праву считается основным в «казаковедении», поскольку именно от его трактовки зависит интерпретации всей последующей истории казачества¹. Вопрос этот также часто называют и сложным, и малоизученным, но правильнее было бы назвать его запутанным. Запутанным либо умышленно — в результате его политизации в первой четверти минувшего и в начале нынешнего столетий, либо невольно — главным образом, из-за царящей в нашей историографии неразберихи в терминах и понятиях. «Определимся в терминах, и половина человеческих споров исчезнет» — эти слова Рене Декарта всё чаще вспоминаются историками как раз в связи с историей казачества².

О казачестве не приходится говорить «вообще» — вне временных и пространственных рамок. Оно всегда было типологически сложным явлением, включающим в себя этносоциальные и социокультурные группы, различные как по положению, так и по происхождению, что уже не раз отмечалось исследователями³. И дело здесь не только в том, что, с одной стороны,

¹ Маркедонов С. Основной вопрос казаковедения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в поисках исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.

² Он же. Заколдованное слово // Родина. 2004. № 5. С. 22.

³ Он же. Казачество. Терминология и типология // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108.

существовали казачьи войска, созданные в XVIII–XIX вв. искусственно, по инициативе и под руководством правительства и целиком подчиненные ему, а с другой — «войска», гораздо раньше сформировавшиеся самостоятельно как вольные сообщества. Не в том, что в XVI–XVII вв., наряду с «вольными» казаками, «гулявшими» в «Поле», существовали казаки служилые (городовые), закрепленные за гарнизонами окраинных областей Московского государства на правах стрельцов и пушкарей и поначалу, видимо, чаще всего «прибиравшиеся» из казаков вольных. Гораздо больше проблему осложняет то обстоятельство, что понятия «казак», «казаки», «казачество» практически сразу же после своего возникновения стали восприниматься и толковаться по-разному.

В литературе (особенно популярной) нередко можно встретить утверждение, что происхождение слова «казак» до сих пор «не установлено», что «его значение составляет пока один из неразрешенных исторических вопросов» и т. п.¹ Но филологами уже давно и вполне убедительно доказано тюркское происхождение этого слова и выяснено, что его корень («каз») восходит к значениям «скитаться», «бродить», «кочевать». Насколько нам известно, впервые слово «казак» встречается в кипчакско-арабском словаре (составленном, вероятно, в Египте и известном по рукописи середины XIII в.) именно в значении «бездомный», «бесприютный», «скиталец», «изгнанник»². Некоторые исследователи дополняют его еще одним, тоже древним определением — «молодой неженатый человек»³. Но и оно логически связано с основным значением: молодость и бессемейность — естественное состояние для большинства изгоев и бродяг.

Анализ восточных источников показал, что за Уралом, на территории «Восточного Дешт-и-Кыпчака» (простиравшегося от Каспия до Алтая) в XIV–XV вв. понятие «казак» обозначало «потерю связи конкретного человека или группы родственников

¹ См., например: *Гордеев А. А.* История казаков. Ч. 1. Золотая Орда и зарождение казачества. М., 1992. С. 13; *Мохов А. Е.* Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 22.

² *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. СПб.; М., 2014. С. 17.

³ *Грибовский В. В.* Казачество и его связь с тюркским миром в историографии поздней Российской империи, СССР и постсоветского пространства // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 16; *он же.* Социальная типология казачьих сообществ // Там же. С. 94–95.

со своим кланом (своей общиной)», а «казакование» понималось как «образ жизни... человека, по какой-то причине ушедшего от своего племени, рода, или потерявшего власть и скитавшегося на окраинах государства, юрта или на чужбине и часто добывавшего себе средства на жизнь своим оружием»¹. «Этим старинным тюркским словом (“казаки”. — *Н. Н.*) на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями. Позднее понятие “казак” приобрело и другие значения»... — пишет В. В. Трепавлов, крупнейший специалист по истории тюркского средневековья².

В русских источниках «казаки» стали упоминаться в самом конце XIV — начале XV вв.; этим термином обозначался тогда довольно широкий и постепенно все расширявшийся круг понятий, а наиболее распространенным значением поначалу тоже было — «изгой», «бездомный бродяга», «неимущий скиталец». Примечательно, что «казак», кочующим «на поле с немногими людьми», русские власти называли даже хана Кучума после его изгнания Ермаком из столицы Сибирского «царства»³. И это не было чем-то исключительным: в тюркском мире: еще в XV в. такой «статус» нередко закреплялся за представителями ханских династий, вынужденными покинуть свой трон и спастись бегством⁴. Но на Руси гораздо более распространенным вскоре стало другое значение слова «казак»: вольный человек, удалец, промышляющий военным делом.

¹ *Сабитов Ж. М.* Казаки Восточного Дешт-и-Кыпчака в XIV–XV веках // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 219–220.

² *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 6.

³ Этот отмеченный еще в дореволюционной литературе факт получил новую трактовку в исследованиях В. В. Трепавлова, считающего «казаками» не только Кучума, но и его потомков («кучумовичей»), длительное время продолжавших в Сибири борьбу против русских (*Каралов М. А.* Терское казачество. М., 2007. С. 8–9; *Трепавлов В. В.* Западная Сибирь после Ермака: Российское царство и татарский «юрт» // Российская история. 2012. № 2. С. 174; *он же.* Сибирский юрт после Ермака. С. 11–12).

⁴ *Каранлыкова Л. Л.* Зарождение казачества в Российском государстве середины XV — начала XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб, 2006. Т. 1. С. 168–169, 172.

В то же время на Русском Севере «казаками» называли вольнонаемных работников (и там долго бытовало выражение «казачить» в смысле «батрачить»), у ногайцев — людей, уходивших на заработки на чужбину, у кумыков и балкарцев — слуг и батраков, у осетин — пленников-рабов и т. д., а в татарских ханствах, возникших на развалинах Золотой Орды, «казаки» — это просто низший разряд воинов (причем не обязательно из этнических татар), стража, легковооруженная конница¹. Кроме того, в XVI ст. в степях за Уралом сложился народ «казаки». Это предки нынешних казахов, в названии которых у нас последнее «к» заменили на «х» (видимо, для отличия от русских казаков) лишь в конце 30-х гг. прошлого века (а в XVIII–XIX вв. называли «киргиз-кайсаками»), но в русских источниках XVI–XVII ст. народ этот фигурировал именно как «казаки», и применительно именно к ним бытовало выражение «Казацкая (или Казачья) орда»².

Все эти факты давно известны профессиональным историкам (включая зарубежных) и приводят к однозначному выводу: «понятие “казак” обозначает в первую очередь определенный образ жизни, а не этническую и религиозную общность...»³

В самых ранних упоминаниях термина «казак», несомненно, отражено и его самое главное, базовое значение, позволяющее понять причины появления других толкований и значений. Выпавший из социальной структуры своего общества человек

¹ О множестве значений слова «казак» в XV–XVI вв. см.: Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1899. С. 364; Караулов М. А. Указ. соч. С. 6–11; Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов казак и казах // Этнонимы. М., 1970. С. 143–148; Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 137–138; Каранлыкова Л. Л. Зарождение казачества в Российском государстве. С. 165–167; Гришкина М. В. Удмурты: присоединение и механизмы адаптации в Российском государстве // Отечественная история. 2010. № 3. С. 119–120; Кожухар В. М. Русь, которая была: истоки, генезис, миграция. Брянск, 2011. С. 268–269; Марков В. И. О возникновении украинского козачества. С. 17–97; Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII — кон. XVIII вв. М., 2017. С. 28.

² История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957. С. 139–140; Благова Г. Ф. Указ. соч. С. 149–156; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 21–22.

³ Гатин М. С. Проблема происхождения казачества в современной немецкой историографии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 101.

(изгнанный или ушедший из него сам), в поисках средств существования мог поступить на военную службу к кому-то из сильных мира того — так появились *служилые* казаки, составившие в татарских ханствах XV–XVI вв. низший разряд воинов, стражу, а на Руси — первых *городовых* казаков. Изгой и бесприютный бродяга мог заняться и мирным трудом, нанявшись к кому-то батрачить — так появились вольнонаемные работники, называемые казаками. Беглецы и изгои могли, наконец, объединяться в самоуправляемые общины, которые жили разбоем и время от времени «продавали свою саблю» правителям сопредельных стран — так появилось *вольное* казачество. А если в положении беглецов и изгоев разом оказывались целые родоплеменные группы, сохранившие, тем не менее, прежний семейный, хозяйственный и бытовой уклад, то из них мог сложиться и отдельный этнос с названием «казаки» (как это произошло с предками современных казахов).

Учитывая все эти обстоятельства, мы приходим к однозначному выводу: если в старинных документах и летописях XIII–XVI вв. встречается слово «казаки», то само по себе это не может означать, что речь обязательно идет о предках современного казачества. И вместе с тем они могли в источниках казаками и не называться. Так, в русских документах начала XVI в. самовольный уход на Дон, т. е. в казаки, назывался уходом «в молодчество», ибо синонимом слова «казак» на Руси по крайней мере до середины XVII в. было слово «молодец», так что даже самая распространенная форма обращения к казачьему войску — «атаманы и казаки» — в то время порой выглядела как «атаманы и молодцы» (трансформировавшись в конце концов в «атаманы-молодцы») ¹. В официальных документах XVI — начале XVII вв. казаки могли вообще фигурировать либо как «воры» (если совершали преступления), либо как просто «вольные люди» ².

¹ Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878. С. 220; Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. 1923. С. 16; Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 50; Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 168.

² Ткаченко Т. А. Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 19.

Следовательно, терминология в определении предшественников и предков казачества — не главное.

Так каким же путем в этих поисках идти? И какие точки зрения на происхождение казачества существуют на сегодняшний день?

Их довольно много, но все они делятся на две основные группы: (1) научные (с разной степенью обоснованности), выдвигаемые как профессиональными историками, специально занимавшимися ранней историей казачества, так и теми непрофессионалами, которые достаточно образованны и культурны, чтобы не пренебрегать мнением специалистов; (2) ненаучные, принадлежащие людям, не только далеким от исторической науки, но и не желающим прислушиваться к ее доводам, видимо, по принципиальным соображениям.

Согласно *научной* концепции, базирующейся на данных вполне репрезентативных источников и разделявшейся к концу 1980-х гг. не только профессиональными историками, но и всеми образованными людьми, вырисовывается такая схема, такая картина происхождения казачества.

Не ранее XV в. в южнорусских степях и примыкавших к ним лесостепных районах, по берегам густо заросших в те времена лесами и камышом степных рек, в буферных зонах между различными государственными образованиями возникают независимые самоуправляемые военизированные общины изгоев, беглецов и всякого рода искателей приключений. Это были главным образом выходцы из различных татарских орд, а орды эти были щедры тогда на политические и социальные потрясения, но уже не имели реальной возможности надежно контролировать все номинально подвластные им территории.

В XVI в. среди вольного казачества появляется все больше выходцев из русских и украинских земель, а к концу столетия они уже решительно преобладают в казачьей среде. Из своей татарской «колыбели» казаки вынесли много элементов материальной и духовной культуры, касающихся в том числе специфически казачьей терминологии (самоназвание, слова «атаман», «есаул», «бунчук», «кош», «майдан» и т. д.). Однако татарами «инородческий компонент» в составе казачества не ограничивался. Волею судеб в его ряды попадали и представители других народов: поляки, валахи, литовцы, кавказские горцы, турки, греки, мадьяры, калмыки, казахи и даже немцы. При этом

этническую основу казачества составляли всё же русские (на Дону, Волге, Яике и Тереке) и украинцы (на Днепре).

Поначалу казачьи общины, видимо, состояли почти сплошь из холостяков, но со временем казаки (везде, кроме Запорожской Сечи) стали обзаводиться семьями. Их женами поначалу были в основном представительницы окрестных народов — татарки, турчанки, персиянки, горянки (на Кавказе), которых обычно захватывали во время военных походов и набегов, а при добрососедских отношениях приобретали за калым. Постепенно в казачьих областях возрастало и число русских женщин: из «полона», отбитого у «бусурман», из тех, кто был вывезен казаками «с Руси» во время все учащавшихся поездок туда по служебным, торговым или богомольным делам, а в более позднее время — из семей переселенцев, ибо во второй половине XVII в. русские порой уходили «в казаки» целыми деревнями.

Постепенно вся эта разнородная масса переплавлялась в общность, жившую интересами, обычно сильно отличавшимися от имевшихся на родине, и при преобладании в языке и духовной культуре общерусских черт приобретала ряд важных особенностей, позволяющих уже ближе к нашему времени определять казаков Дона, Яика (Урала) и Терека как этнографические группы (субэтноты) русского народа, а запорожцев — как украинского.

Вот, собственно, и вся схема казачьей истории, которой придерживалась наша историография к исходу 1980-х гг., опираясь на труды Г. Ф. Миллера, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, С. Ф. Платонова, С. И. Тхоржевского, Б. В. Лунина, А. А. Новосельского, И. Г. Рознера, Е. Н. Кушевой, А. П. Пронштейна, В. П. Загоровского, Л. Б. Заседательевой, Р. Г. Скрынникова, А. Л. Станиславского, Н. А. Мининкова, В. Д. Назарова и других профессиональных историков. У них, разумеется, имелось немало расхождений по частным вопросам истории казачества, но вышеизложенная, базовая концепция его происхождения не вызывала сомнений. Будучи в основных своих чертах оформленной уже к началу XX в., она уже тогда базировалась на огромном фактическом материале вполне репрезентативных источников, так что утверждения ее наиболее радикальных оппонентов об отсутствии у этой точки зрения «всякого доказательства»¹ приходится объяснять

¹ *Балинов Ш.* О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru>...articles...o-proishozhdenii.html).

либо их тотальным невежеством, либо какими-то психическими отклонениями, либо политическими спекуляциями.

В дореволюционной России в ряду исследователей, разделявших научные взгляды на раннюю историю казачества, помимо профессиональных историков, можно было встретить лиц (как правило, из числа чиновников и офицеров), которые не только ввели в научный оборот много ценных документальных материалов (как это сделал, например, В. Д. Сухоруков в 1820-х гг.), но и выпускали о казаках исторические работы обобщающего характера, написанные хоть и не без ошибок, но в целом на вполне приемлемом научном уровне (Х. И. Попов — 1907 г., Ф. А. Щербина — 1910 г., В. А. Потто и М. А. Караулов — 1912 г.). Однако и в дореволюционную пору, отличающуюся высоким уровнем гуманитарного образования, такие авторы составляли среди непрофессионалов меньшинство; еще меньше их в современной России.

С конца 1980-х гг. волна воинствующего дилетантизма и невежества в области истории казачества (как и истории вообще) захлестнула страницы периодических изданий и полки книжных магазинов и вынесла к массовому читателю множество неизвестных науке имен «исследователей», которые представляют прошлое казачества в совершенно искаженном, фантастическом виде и при всех расхождениях в «деталях» его изображения едины в своем стремлении казачью историю максимально «удревнить».

Сочинения эти, конечно не равнозначны по степени искажения истины, ибо «уровень некомпетенции» и у дилетантов бывает разным, но практически все их работы представляют собой причудливые сочетания (в разных пропорциях) реальных фактов с шаткими гипотезами, фантазиями и откровенным вымыслом. По этой причине и в нашей стране, и за рубежом профессиональные историки обычно не считают нужным уделять внимание таким работам. Так, авторитетный швейцарско-австрийский историк Андреас Каппелер прямо заявил: «Первые восточнославянские казаки появляются в источниках с конца XV в. Спекулятивные теории о старых автохтонных корнях казачества я оставляю вне рассмотрения»¹. Такое же отношение к теориям

¹ Каппелер А. Казачество. История и легенды. Пер. с нем. Н. Мининкова. Ростов, 2014. С. 14.

дилетантов выразил и известный российский историк А. В. Беляков, заметив, что «любые попытки удревить казачество в общепринятом ныне значении являются простой исторической спекуляцией»¹ Но я не разделяю такой позиции. Именно «спекуляции» на темы казачьей истории пользуются наибольшей популярностью «в народе» (особенно у нынешнего, «возрожденного» казачества), поэтому и концепции дилетантов необходимо рассмотреть подробно, сопоставляя их, естественно, с теми данными, которыми к настоящему времени располагает историческая наука.

2. Псевдонаучные версии происхождения казачества: общий обзор

Бытующие ныне псевдонаучные «теории» происхождения казачества в основном восходят к дилетантским сочинениям таких исследователей казачьей истории, как например директор Новочеркасской гимназии А. Г. Попов. (В своем двухтомнике «История о Донском Войске», который вышел в 1814–1816 гг., он объявил древнейшими предками казачества легендарных амазонок.) А более прочную основу псевдонаучных воззрений заложили работы «автономистов» и «сепаратистов» второй половины XIX — первой трети XX вв. — В. М. Пудавова, Е. П. Савельева, В. А. Голубинцева, И. Ф. Быкадорова, П. К. Харламова и других самостоятельных исследователей казачьей истории. В современной литературе их, «следуя за источником», порой именуют «казакманами» и «казачьими националистами», отстаиваемые ими взгляды на происхождение казачества называют «автохтонной теорией», а противостоящую ей традиционную для нашей историографии концепцию — «миграционной теорией». Продолжив свою публикаторскую деятельность в эмиграции, эти авторы передали свое видение предыстории и ранней истории казачества следующему поколению историков-эмигрантов, типичными представителями которых явились, например, создатели трехтомного «Казачьего словаря-справочника», вышедшего

¹ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 170.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru